

РАЗДЕЛ 1.

ЛИНГВО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 12–17.

УДК 81'243

Иоланта Мэндэльска

Быдгощская академия
имени Казимира Великого

КРАСОЧНОЕ НАСЛЕДИЕ,
ПОЛУЧЕННОЕ СЕВЕРНОКРЕСОВОЙ ФРАЗЕМАТИКОЙ
ОТ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Фразематика — сравнительно новый раздел языкознания¹, изучающий особые единицы языка, названные *фраземами*, а также совокупность таких единиц, т. е. фразематический состав языка, являющийся существенной частью его словарного запаса². Как лексема, так и фразема — это единицы языка³, элементы разные только в чисто техническом смысле⁴.

¹ См.: W. Chlebda, *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*, Opole 1991; он же, *Frazematyka*, [w:] J. Bartmiński (red.), *Współczesny język polski*, s. 337. Сам термин применялся в науке и раньше, ср.: В. Н. Телия, *О фразематике как лингвистической дисциплине // Материалы конференции „Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова”*. Т. I. Самарканд 1964.

² Фразематика зародилась после того, как исчерпал себя классический Виноградовский (системно классификационный) подход к изучению фразеологии (см.: В. В. Виноградов, *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В. В. Виноградов, Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М., 1977; он же, *Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // там же*; он же, *Основные типы лексических значений слова // там же*). Обзор русской фразеологической мысли дан В. Н. Телией, см.: *Пути, пройденные фразеологией как особой лингвистической дисциплиной (аналитический обзор) // В. Н. Телия, Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М., 1996, с. 11–56.

³ Деление на единицы языка и языковые продукты опирается — всё таки — на семантический критерий; единица языка определяется как последовательность диакритических элементов, обладающих глобальным значением, далее семантически не членимых; ей противопоставляются продукты, возникающие в результате сочетания названных объектов (см.: M. Grochowski, *Zarys leksykologii i leksykografii. Zagadnienia synchroniczne*, Toruń 1982, s. 28).

⁴ См.: A. Bogusławski, *O zasadach rejestracji jednostek języka*, „Poradnik Językowy” 1976, z. 8, s. 357.

Фразема определяется как сверхсловная⁵ (сверхлексемная⁶) единица, не создающаяся из отдельно подобранных слов, а воспроизводимая говорящим в определённой ситуации для выражения соответствующих смысловых потенциалов⁷. Сверхсловность следует понимать как неоднородность, как двух- или более элементность, многоэлементность. Стоит, однако, сразу оговориться, что данный признак отнюдь не обязательное свойство фраземы; фразематичностью обладают, правда редко, и однословные языковые единицы, напр., польское *Serio*⁸ (ср. русский конситуативный эквивалент: <Ты> *серьёзно?*). В подобных случаях конститутивным признаком фраземы признаётся её воспроизводимость в данной ситуации (готовность, данность — говоря другими словами), а также некоторый семантический сдвиг, понимаемый как необычное употребление, отличное от основного, привычного. Итак, слово *serio* в указанном употреблении *Serio?* не выступает в своём обычном значении ‘серьёзно’, но содержит семантему-презумпцию ‘не шутка ли это?’.

Фраземы — сравнительно устойчивые языковые формы, ставшие в данной ситуации общепринятым способом передавать определённое содержание. Они бывают различными по своему происхождению, содержанию, структуре, стилистической маркированности и т. п. характеристикам. Названные различия существенны, но не главные, не первостепенны.

Принятие в качестве основного критерия фразематичности „воспроизводимости в данной ситуации” приводит к значительному росту числа сверхлексемных словарных единиц⁹. Если, к примеру, словарь А. И. Молоткова содержит свыше 4 тыс. заголовочных слов¹⁰, словарь С. Скорупки¹¹ — 80 тыс., то количество фразем измеряется сотнями тысяч, или даже — по мнению А. Богуславского¹² — миллионами единиц¹³. Несмотря на явный числен-

⁵ Этот термин употребил Н. М. Шанский, называя отличительные свойства фразеологизма: „Всякое языковое образование — каким бы оно по своему размеру, структуре или значению ни было — является фразеологизмом, если оно сверхсловно и воспроизводимо” (*О фразеологизме как языковой единице и предмете фразеологии // Проблема устойчивости и вариантности фразеологических единиц*. Тула 1968, с. 11).

⁶ Аналогичный термин: *jednostka ponadleksemowa* применяется польскими лингвистами (ср.: W. Chlebda, *Frazematyka...*, s. 337).

⁷ W. Chlebda, *Elementy...*, s. 26-27.

⁸ Этот пример почерпнут нами из работы: A. Bogusławski, T. Garnysz-Kozłowska, *Addendum to Polish Phraseology. An Introductory Issue. Addenda do frazeologii polskiej. Zeszyt wstępny*. Carbondale and Edmonton (Canada) 1979.

⁹ С. Г. Гаврин, заметил, что предложенная В. В. Виноградовым классификация фразеологизмов оставляет за пределами фразеологии широкий круг единиц, охватывающихся „наиболее общим и определяющим свойством устойчивых сочетаний — воспроизводимостью”, см.: *Вопросы лексико-семантического и грамматического анализа фразеологических единиц современного русского языка (на материале устойчивых метафорических сочетаний)*. М., 1962, с. 5.

¹⁰ *Фразеологический словарь русского языка*. М., 1986.

¹¹ S. Skorupka, *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, t. 1-2, Warszawa 1993.

¹² *Uwagi o pracy nad frazeologią*, [w:] Z. Saloni (red.), *Studia z polskiej leksykografii współczesnej* III, Białystok 1989, s. 19. Количество же однословных единиц составляет группу порядка нескольких сотен тысяч.

¹³ См.: W. Chlebda, *Frazematyka...*, s. 337.

ный перевес, сверхсловные структуры, кроме включаемых в их состав фразеологизмов, до недавнего времени игнорировались лингвистами. Как правило, фраземы „не собраны, не классифицированы и лексикографически не описаны”¹⁴.

В последнее время термин *фразематика* находит применение в исследованиях по состоянию польского языка в Литве.

Польский язык в Литве, т. н. севернокресовый вариант польского языка („польщизна севернокресова”), — это культурная форма польского языка, несколько столетий назад перенесённая на территорию Великого княжества Литовского, впитавшая в себя многочисленные элементы белорусско-литовского языкового субстрата, в XIX столетии поддавшаяся сильной русификации, с половины XX — повторной русификации, а также довольно сильной советизации.

Все этапы становления и развития, пройденные польщизной севернокресовой, наложили на неё свой отпечаток. Следы прошлого находим во всех её подсистемах: фонетической, словообразовательной, морфологической, синтаксической, лексической. Они есть — и очень яркие — также во фразематике.

Подразделение всего словарного запаса этого провинциального варианта польского языка на слова (словарные единицы) и фраземы (несловарные единицы) — весьма удобный приём. Он — по сравнению с традиционным способом, т. е. анализом всего лексического материала, расположенного в алфавитном порядке, — позволяет объективировать исследования. Дело в том, что лингвисты, изучающие севернокресовый диалект польского языка, точно так же, как и остальные языковеды, не только не уделяют внимания фраземам¹⁵, но — нередко — игнорируют даже фразеологию, весь интерес сосредоточивая на местных словах. Часть местных слов функционирует в польском языке Литвы ещё со времён Великого княжества Литовского, например, литовско-белорусское *świren* ‘амбар’ (общепольское¹⁶ *śpichlerz*)¹⁷, часть появилась в XVIII в., т. е. сразу после раздела Польши, например, русизм *zwozczyk* ‘извозчик’ (общеп. *woźnica*)¹⁸, значительное количество особых лексем пополнили местный словарный запас в XIX столетии, в период сильной русификации, например, русизм

¹⁴ Так В. Хлебда оценивал состояние исследований лет десять назад (ср.: W. Chlebda, *Elementy...*, s. 198). Сегодня ситуация изменилась, но не коренным образом. Польские фраземы, наряду с лексемами, активно отбираются и регистрируются, ср. изобилующий ими труд А. Богуславского и Я. Вавжиньчика: A. Bogusławskij, J. Wawrzyńczyk, *Polszczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa*, Warszawa 1993, см. также: J. Wawrzyńczyk, *Teoretyczne i praktyczne aspekty przekładu rosyjsko-polskiego*. Т. I, Łódź 2000. Т. II, Łódź 2001.

¹⁵ В то время как список работ, посвящённых периферийному диалекту, включает сегодня тысячи библиографических позиций, вопросам фразеологии (не фразематики!) отводится место лишь в нескольких статьях.

¹⁶ Далее пользуемся сокращением *общеп.*

¹⁷ Z. Sawaniewska-Mochowa, *Poradnik Jana Karłowicza jako źródło poznania potocznej polszczyzny północnokresowej. Słownictwo*, Warszawa 1990, s. 146.

¹⁸ M. Weiss-Brzezina, *Regionalizmy kresowe w „Pamiętniku” Rusieckiej*, Zeszyty Naukowe UJ, z. 15, Kraków 1965, s. 172.

bolnica 'больница' (общеп. *szpital*)¹⁹, многие же слова вошли в провинциальный диалект только во второй половине XX в., после включения Литвы в состав Советского Союза, например, литуанизм *apilinka* 'единица административно-территориального деления; волость' (общеп. *gmina*)²⁰ или же советизм *październiakto* 'октябрёнок' (общеп. *zuch*)²¹. Цель научных наблюдений над севернокресовой лексикой сводится к установлению происхождения словарных особенностей, отобранных из текстов, которые создавались на территориях, расположенных на северо-востоке исторической Польши, и к определению того времени, когда они прижились в местном польском языке²². Сегодня, когда исследователи польщины севернокресовой начинают отводить место и особой фразематике, они — ввиду отсутствия данных, которые относились бы к более ранним периодам, — не могут высказываться о хронологии севернокресовых фразем. Таким образом, общие выводы насчёт давности или же, наоборот, новизны своеобразной лексики анализируемых текстов пока делать нельзя. Фразематику приходится описывать отдельно от однословных лексических единиц. Этот приём делает возможным наглядно доказать всё богатство, разнообразие и красочность севернокресовых сверхсловных единиц.

Итак, в современной севернокресовой фразематике, отражённой и запечатлённой, например, на страницах вильнюсских газет и журналов, издаваемых на польском языке²³, представлены самые различные виды особых, местных фразем.

Несомненно, самую многочисленную группу составляют обычные, необычные, ни экспрессивно, ни эмоционально не окрашенные устойчивые сочетания слов, т. н. аналитические номинации, например, *komplet czekoladowy* (общеп. *bombonierka*), *medyczna siostra* (общеп. *pielęgniarka*), *worek sypialny* (общеп. *śpiwór*), *złota nagroda* (общеп. *złoto*).

Сюда, видимо, примыкают и особые, отличные от функционирующих в литературном языке географические названия, например, *Brzeg Kości Słoniowej* (общеп. *Wybrzeże Kości Słoniowej*), *Mała Azja* (общеп. *Azja Mniejsza*), а также такие своеобразные номинативные единицы, как заглавия литературных произведений, периодических изданий, кинофильмов, телепередач и др., например, *Bieleje żagiel samotny* (общеп. *Samotny biały żagiel*), *Kapitańska córka* (общеп. *Córka*

¹⁹ Z. Kurzowa, *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI-XX w.*, Warszawa-Kraków 1993, s. 469.

²⁰ J. Mędelaska, *Język polskiej prasy wileńskiej (1945-1979)*. Т. II. *Lata 1945-1959*, Bydgoszcz 2000, s. 221.

²¹ Там же, с. 344.

²² О намекающихся других перспективах изучения накопленного фактического материала см.: Н. Е. Ананева, *Некоторые итоги и перспективы изучения польского периферийного диалекта. Конфронтативная грамматика двух его разновидностей. Словарь. Атлас // Научные доклады Филологического Факультета МГУ. Выпуск 3. К Международному съезду славистов в Кракове 27 августа — 3 сентября 1998 года*. М., 1998, с. 3-22.

²³ Языковой материал почерпнут из следующих источников: J. Mędelaska, *Język polski na Litwie w dziewięćciu dziesięcioleciu XX wieku*, Bydgoszcz 1993; она же, *Język polskiej prasy wileńskiej (1945-1979)*. Т. II. *Lata 1945-1959*, Bydgoszcz 2000; Т. III. *Lata 1960-1979*, cz. 2. *Wyrazy* (в печати).

kapitana), *Pepe Długa Pończocha* (общеп. *Fizia Pończoszanka*), *Dobranoc, dzieci* (общеп. *Dobranocka*), *Zapiski Naukowe* (общеп. *Zeszyty Naukowe*). Заметим на полях, что указанные местные заглавия, новые, в некотором смысле „искажённые”, в чём-то напоминают названия, даваемые литературным произведениям их переводчиками. Переводчики, как известно²⁴, нередко изменяют заглавие подлинника до неузнаваемости, но, несмотря на это, в данном коллективе оно продолжает выполнять свою функцию идентифицировать произведение.

Словарный запас севернокресового варианта польского языка заметно расширяют богато представленные в нём особые фразеологизмы — яркие, образные синонимические средства, например, *choć płacz* (общеп. *tylko usiąść i płakać*), *nie igła* (общеп. *to nie szpilka w stogu siana*), *łabędzie mleko* (общеп. *ptasie mleko*), *figa z masłem* (общеп. *figa z makiem*).

В польском языке Литвы имеются также свои пословицы и поговорки, т. е. сентенции, выражающие ценностные суждения, как правило, образного характера, ср.: *Jajko kury nie uczy* (общеп. *Jajko mądrzejsze od kury*), *Nie wsiadaj do cudzych sań* (общеп. *Znaj swoje miejsce w szeregu*), *Szydła nie schowasz w worku* (*Wyszło szydio z worka*), *Trzy nianie — dziecko bez nosa* (общеп. *Gdzie kucharek sześć, tam nie ma co jeść*).

Своеобразную форму приобретают и местные поздравления и пожелания, ср.: *Z nowym rokiem!* (общеп. *Szczęśliwego Nowego Roku!*), *Ze świętem!* (общеп. *Wszystkiego najlepszego <w dniu święta...!>*), *Szczęśliwie!* (*Szczęśliwej drogi!*).

Особый интерес вызывают т. н. практические тексты, например, надписи, ср. аннотацию на документах, письмах и т. п.: *personalnie* (общеп. *do rąk własnych*), надпись, предшествующую показу кинокартины: *w rolach* (общеп. *w rolach głównych*), вывески, например, на двери магазина, *Wyszli na obiad* (общеп. *Przerwa obiadowa*), *Zamknięty na remont* (общеп. *Remont*), предупреждающие надписи на табличках, например, во дворах: *Zabrania się chodzić po trawnikach* (общеп. *Nie deptać trawników*) или в музеях: *Rękami nie dotykać* (общеп. *Nie dotykać eksponatów*).

Раскрывая всё богатство севернокресовой фразематики, следует упомянуть и о выражениях речевого этикета, ср.: *bądźmy znajomi*²⁵ (общеп. *poznajmy się*), об угрозах: *będzie komuś* (общеп. *ktoś oberwie, komuś się dostanie*), *jak dam tobie!* (общеп. *jak cię strzelę!*), об одобрениях: *tak komuś i trzeba* (общеп. *dobrze komuś tak*), об эмоциональных возражениях: *Skąd ja wiem?* (общеп. *Skąd tam wiedzieć?*), о поторапливании: *bliżej do sprawy* (общеп. *do rzeczy*), о просьбе немного подождать: *ja zaraz* (общеп. *zaraz wracam*), а также о т. н. метафразах²⁶, метатекстовых показателях, например: *jak się mówi* (общеп. *jak to się mówi*).

Заканчивая беглый обзор севернокресовых фразем, остановимся ещё на своеобразных структурных словах, т. е. различных комбинациях служебных

²⁴ См.: R. Lewicki, *Tytuł jako obiekt przekładu*, „Rozprawy Slawistyczne” X, Lublin 1995, s. 353-362.

²⁵ Русский аналог — образец этого выражения употребляется перед представлением по именам (фамилиям), ср.: А. А. Акишина, Н. И. Формановская, *Русский речевой этикет*. М., 1978, с. 45.

²⁶ W. Chlebda, *Elementy...*, s. 83.

слов, выполняющих номинативную функцию²⁷. Они регистрируются исследователями в довольно большом количестве, например: *a jeszcze...* (общеп. *a w dodatku...*), *tak to tak* (общеп. *to wszystko prawda, ale...*), *tak a tak* (общеп. *jest tak i tak*), *tak i nie...* (общеп. *w końcu i tak nie...*).

Фраземы, подобно лексемам, могут устаревать, выходить из употребления. Такое случается и с севернокресовыми сверхсловными единицами. Итак, к примеру, вследствие политических преобразований потеряли свою актуальность местная пословица — советизм, построенная на ассоциациях, ясных в минувшую эпоху: *Pędź złodzieja z kołchozu, jak świnię z bobu*, у которой нет и не было общепольского эквивалента, или же военный отзыв *Służę Związkwowi Radzieckiemu!* (реальный общеп. аналог *Ku chwale Ojczyzny!*).

Севернокресовые фраземы, т. е. фраземы своеобразные, не свойственные общепольскому языку, появляются и закрепляются в местном обиходе по разным причинам. Однако главная из них — это воздействие чужих языковых систем, с которыми польский язык в Литве с давних времён находится в постоянном контакте²⁸: литовского, белорусского и — особенно в XIX в., а потом в советское время — русского. Литовский язык обогатил севернокресовую фразематику, например, фразеологизмом *łabędzie mleko* (ср. лит. *gulbės pienas*), белорусский подарил фразеологизм *brać blisko do serca* (ср. бел. *браць блізка да сэрца*), русский — *czytać notacje* (ср. рус. *читать нотации*).

Многовековое близкое соседство, протекание жизни в одинаковых природных и культурных условиях, в одном государственном организме — сблизило литовцев, белорусов, поляков, русских и нашло сходное или даже идентичное отображение в их языках. Оказывается, во всех языках, функционирующих в Литве, есть формально-семантические аналоги не только у значительной части слов, но и у немалой части фразем. Это результат одинакового видения мира, идентичного восприятия ситуаций представителями разных народностей, сосуществующих испокон веков на небольшой территории, сглаживания — с течением времени — культурных различий²⁹.

Поступило в редакцию 23. 08. 2002

²⁷ Соответственные русские конструкции регистрируются, например, следующими словарями: В. В. Морковкин (ред.), *Словарь структурных слов русского языка*. М., 1997; Т. Ф. Ефремова, *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. М., 2001.

²⁸ Языки находятся в контакте, „[...] если ими попеременно пользуется одно и то же лицо” (У. Вайнрайх, *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*. Киев 1979, с. 22).

²⁹ „Некоторые антропологи рассматривают языковой контакт лишь как один из аспектов контакта культур, а языковую интерференцию — как одно из проявлений взаимопроникновения культур и аккультурации” (там же, с. 27-28).